

РАДОСТЬ ДЕРЗАНИЯ

Целиноградская пресса, 1963, 12 июля

Имя этого человека знакомо вам. Вы знаете его лицо, веселый, с хитрецей взгляд. Вы слышали его голос—сильный, мужественный баритон. Это Каукен Кенжетаяев, народный артист нашей республики.

Человек, посвятивший всего себя одному делу, неуклонно идущий по прямой дороге, вызывает обычно уважение окружающих. Если эту дорогу освещают юпитеры славы и известности, то к уважению примешиваются любовь и восхищение.

И легко ли решиться ступить на новую неизведанную тропу, даже если она не уходит в сторону от широкого тракта, а идет параллельно ему? Легко ли, считаясь мастером, пойти в подмастерья, в ученики? Наверное, это удел только сильных, уверенных в себе людей.

Об этом мне хотелось спросить Каукена Кенжетаяева в

начале нашего очного знакомства, но оказалось, что на этот вопрос он ответил давно...

Он был тогда студентом сельскохозяйственного института, его знал и любил весь вуз—за добрый нрав, лукавые шуточки. За песни, которыми дарил озорно и щедро. И вдруг крутой поворот—Каукен в числе абитуриентов консерватории. Снова первый курс. Класс профессора Райского. Доцент Енахович, начавший с азав вокальной техники.

А там—война. Весь пятый курс Московской консерватории уходит в ополчение. Боевать не пришлось—вернули доучиваться. Но если не воевать—значит нужно работать. Каукен возвращается в Алматы, приходит в оперный. В 1942-ом все-таки стал солдатом.

А с 1946 года—безраздельная власть музыки, большие и малые роли. Жанбота в «Биржан и Саре», Бекежан в

«Кыз-Жибек», хан в опере татарского композитора Жиганова «Алтыншаш», заглавные партии в «Ер-Таргыне» и «Жалбыре», в «Князе Игоре» и «Алеко», в «Руслане и Людмиле», «Демоне». Западновропейская классика—«Трибадур» (граф Дилуна), «Кармен» (Эскамилио), «Паяцы» (Тонио)...

Сложнейшие роли, интерпретированные мастерами сцены, которые оставили классические образцы. Академизм оперного искусства требовал следования этим образцам, но не подражательства. И Кенжетаяев в каждой роли искал свое, близкое его миропониманию. Эти вечные поиски творчества обогащали и технически, и духовно.

И вдруг—новый поворот. Кенжетаяев пробует себя в ином качестве. На сцене театра имени Абая он ставит оперу «Амангельды» Тулебаева и Брусилковского. Почему дерзнул обратиться к режиссуре? Не потому только, что был накоплен драгоценный опыт, выношены собственные идеи, но просто захотелось необычного,—труднее, чем есть.

Снова ученичество—уже в Большом театре, у главного режиссера Покровского. Ассистировал ему при постановке «Судьбы человека». А через год оперу Дзержинского услышали и алмаатинцы.

Это произведение привлекло режиссера Кенжетаяева актуальностью темы, насыщенностью драматургии, красотой и силой шолоховского героя—Андрея Соколова. Это был рассказ о собственной юности, опаленной войной, о боевых друзьях. И следующие его постановки—«Ай-Сүлү», «Степное зарево»—тоже посвящены современникам.

Целиноградцы увидели на фестивале новые работы режиссера—«Ер-Таргын» и «Пиковую даму», работы, в которых постановщик стремится углубить характеры, по-новому подойти к классическим конфликтам. А сейчас на столе режиссера—либретто и партитура оперы Брусилковского «Жалбыр», тоже напи-

санной на основе народных мелодий. Новый спектакль, воскрешающий историческое восстание казахов против царизма в 1916 году, театр посвящает юбилейным датам, поэтому так кропотливо роется режиссер в толстенных монографиях, вновь и вновь перечитывает труды историков.

Левец, режиссер, педагог Института искусств... Есть у Каукена Кенжетаяевича еще одна «специальность»—киноактер. Вы могли увидеть его в фильмах «Возвращение на землю», «Наш милый доктор», «Крылатые песни», «Звучи, там-там», «Следы уходят за горизонт», «За нами Москва».

В кино оперному певцу не легко, ведь здесь иная мера условности, требующая не привычного пафоса, а детальной достоверности, тончайшего психологизма. Но Кенжетаяев снова дерзнул, снова рискнул назваться начинающим, и кино подарило ему большую радость—роль старика Танабая («Следы уходят за горизонт»).

— Пусть другие роли не обижаются,—лукаво улыбается актер,—но Танабай особенно дорог мне. Этот мудрый чабан научил меня многому. С ним я вновь испытал те ощущения, которые хотел вызвать в зрителях,—любовь к родной земле, к суровому ритму труда, к той повседневности, в которой есть своя поэзия.

Красоту народной души, поэзию ее открывают слушателям и песни Каукена Кенжетаяева. Турция, Греция, Египет, Индия, Румыния, Польша слышали задушевные раздольные песни казахов. Каукен Кенжетаяевич поет их уже больше тридцати лет, шлифуя год от года, не уставая восхищаться глубиной и совершенством творений акынов.

А совсем недавно Кенжетаяев выступил в новой «роле»—написал либретто оперы «Алпамыс», музыку которой пишет Е. Рахмадиев.

Так и складывается напряженная, насыщенная жизнь, все радости которой—в дерзании.

Б. ИЛЬЯСОВА.
Фото Р. Терехова.